

Журнальное обозрение.

Апрельские книжки журналов: „Вестника Европы“, „Мира Божьего“, „Образования“, „Русской Мысли“ и „Русского Богатства“.

Интерес к „Вратьян“ и „Разладу“ Воборыкина („Вестн. Европ.“ и „Русск. М.“) несколько ослабевает: начало этих произведений обещало дать нечто большее, чем то, что дается в 3 и 4 книжках журналов и что читатель вправе ожидать от такой литературной силы, как П. Д. Воборыкин.

Совершенно иначе дело стоит с повестью г. Погорьлова „Омут“, закончившейся в апрельской книжке „Русск. Богатства“.

Г. Погорьлов явный, талантливый писатель и его, так сказать, ампула в яркую и широкую картину раскрытия неправды жизни, рисованной тьмой и грязью обманчивых и бездонных омут, поглощающих все живое и светлое. Но тина и грязь и табуна стина, о которую тесно бьется все, что возмущается над „обманчивостью“ так опустыли в действительной жизни, что произведений подобных „Омуту“ вначале наводят тоску на читателя: все, моль, это известно, видно-перевидно и даже перечувствовано на собственной „шкурке“. Но čím дальше развивается повесть, тем больше захватывается внимание читателя и в концѣ концов г. Погорьлов покоряет его.

Герой повести „Омут“ кающийся миллионер Вутылин, разбогатевший „грабежом“: он предательски разорвал своего товарища и компаньона Сальникова, пустил по миру его семью; на приусах Вутылина, на его заводы царят невозможные порядки. Опиившись сын Вутылина (бывший студент горного института) так говорит отцу об этих порядках: „люди живут, как звери, в грязи, насилом зажимают их на смерть. Темнота, грубость, скотские нравы, разврат, всякое зло—скверная брань! Там и народ ос-

бенный: огодный, одичавший... С ним можно делать все, что угодно... Имученная, развратная прислуживающая пачкается тулупиной, бодается цингой... Нарядчик там царь, хозяин—бог, высшее существо... А удачи нельзя, потому что они у тебя в плиту, как у турецкого султана, да и куда уйдешь? Вырвавшись из этого ада, несчастные пропивают все в первом кабаке, до последней пинки и снова идут в такую-же кабалу... И на заводе я был,—продолжает Петр Вутылин,—видел—взрослые люди плакали от бессильной злобы и проклинали тебя... Трудно поверить, что так можно обижать людей! За жалкое право людоедства ты платишь взятничком огромные деньги... И у несчастных нет защиты... Все законопачено, забыто, всякая щель замазана...“

Действительно, Вутылинские миллионы опутали целый город, целый район. В истинную газету „правда“ не проникает. Заводские холода, ищущие „правды“, объявляются скутянами; в скутянах оказываются обманчивыми и учителя и земский врач. Молодой адвокат Чиж, очевидно, получивший „жду“, пишет обманчивое донесение на развратность истинной печати, а купца Лопатина, популярного в городе человека, объявляют из неблагодеяности и когда он пожелал сделать крупное пожертвование на Пушкинскую общественную библиотеку, главное отделение предложено Лопатина. Мухомол Пустов заявляет: „Лопатин с господином Пушкиным вступают в гласных в хорошее дело“. Адвокат Мелехин поддерживает Пустова: „Пушкинское общество и пожертвования на библиотеку—дело для нас в высочайшей степени постороннее и вступаться в эту историю по меньшей мере неблагоприятно“.

Такова атмосфера, созданная Вутылинскими миллионами, или вкратце—та атмосфера, в которой могут расти и цвести Вутылинские миллионы.

Изучивший угрызения совести за загубленную жизнь товарища Сальникова и своего единственного сына, уставший смириться на чужую алчность и безсовестность, разбуженный

отчасти рвцами снымаемого большого сына, Вутылин в концѣ концов чувствует отвращение к „ворам“, клеветникам, доносчикам и развратникам и предается позднему раскаянию. Дала свои он ликвидирует, он бьется к психическому расстройству. Вутылин умирает от удара: да и поздно уже начинать новую жизнь, как не воспроизвести и загубленному Петру, наследнику 14-ти миллионного наследства, которому „из всех земных благ нужна только водка: и чашка и водка приводят Петру к роковому концу. Между тем этот сломленный, безвольный человек имеет чуткую совесть и жалостливое сердце!

После „Омута“, конечно, самое замечательное произведение—это „Корь“ Куприна („М. Вост.“). Студент Воскресенский состоит репетитором при дѣтих богача Завалинина, проживающего на собственной даче на южном берегу России. Завалинин—это „знаменное время“, это та „корь“, через которую проходят в некоторые периоды своей истории наше отечество. Один из этих эпизодов былого довольно легкая, другая—тяжелая, „доходящая“ законченности „скарлатины“ (определение корь в лечебных руководствах). Завалинин грозит „гнилой запад“. Этот бывший корнет, а теперь поставщик и покровитель с амфилобом заявляет: „довольно нам стоять перед Европой на задних лапах! Пусть почувствуют, что великому славному здоровому русскому народу, а не нит, тараканьим жопам, принадлежит решающее властное слово...“ Он презирает запад и на каждом шагу повторяет, что он—русский, что он „любит все русское“, а потому—дача у него в „русском“ стилѣ („плевать на ренессанс, готику, рококо!“), он носит какой-то шутовской „русский“ костюм из дорогой тесути и муара, есть изысканная „руская“ кушанья из серебряных сосисок-лоханов и вообще жордствует: „нельзя жить своей любви к России Завалинин не доказал. И можно с уверенностью сказать, что этот „патриот из патриотов“ не моргнув глазом выкинет цѣ-

ли на поставках в казну и прижмет своих любимых соотечественников в первом встречном, „черный“ день, что вы выданы на каждом шагу в настоящую тяжелую годину.

Студент слушает не дая и не два злобных рвца Завалинина: с одной стороны самком уж противно связываться с таким „фрутом“, как этот брызжущий злостью человеконенавистник; с другой стороны—и встать-ить надо, не хочется двигаться лѣтнего заработка; но наступает момент, когда слушать становится не терпимым.

„Все, что мы изволим с таким жаром высказывать,—говорит он Завалинину,—все это и слышал и читал сотни раз: вражда ко всему европейскому, спиртное презрение к инородцам, восторг перед мощью русского кулака и т. д. и т. д. Все это пишется проповедуется и говорится на каждом шагу. Но при чем здесь русский народ? Эго я не понимаю и не могу понять. Народ, т. е. не ваш лакей, не ваш дворянин, и не мастеровой, а тот народ, который составляет всю Россию—темный мужик, трогать, нецерный человек. Зачем вы его-то пристегнули к вашим национальным мечтам? Он безколесует и не знает с вами разгадать его мечтаний.“

— „Позвольте, я не хуже вас знаю народ...“

— „Ваш идеалный всероссийский кулак никому не спешит, а просто окерителем, как и всякий символ насилия. Вы не боитесь, не яна, вы просто неубожливая, надобная сине, в родь кори. Но ваша игра в широкую русскую натур, все эти ваши птицы-скрины, ваша подделка, ваши патристический, слезы... Да, это, действительно, не смѣшно...“ „Русские же, русская каша—мать наша! А вы выданы эти щи когда-нибудь? Пробовали? Сегодня с тапком, а завтра—с птеном. Вы для икий глупы? Вы выданы их ребята с распухшими животами и ногами колесом? А у вас поварь 60 р. получает и лакей во фраке и паровая стерлядь. Так и во всем вы...“

„Вернемся к доброй, старой одежде! И

вот наряжались в поддевку, материя по 7 р. за аршин, на муаровой подкладке!—заканчивает свою отповедь взволнованный Воскресенский, в душ беззавѣтно любящий Россию и готовый „идти на крестные страдания, всю душу родины отдать“ (слова П. Я.).

Конечно, послѣ такого „насажда“ Воскресенский должен был оставить уроки у г. Завалинина.

В „Образовании“ очень хороший рассказ Гусева-Оренбургского „Мглыла“. Печальная повесть о сватаньи, сватанье послѣ смерти ижно-любимой жены. В судьбе о. Давида принимают участие викарий—умный, сердечный,—которого, впрочем, окружающая козья среда не повышает. Колесник его говорит прѣзжму благочинному: „Мчатся-мчатся вѣсьма, пусть...“ Стихи и все прочее... Ариам и медь... Твѣ, прелесть, ид-же благодать, реде молду...“

И благочинный и неслышав, говоря это, „сумблясь“, смотрит друг друга в глаза и понимает это...“

В „Образовании“ же очень интересен рассказ Врижасана „Атласова яна“ (впечатления одиноч-заключенного), а в „Рус. Мысли“—рассказ Ольжика „Ефрейка“.

Всѣ журналы отдают много внимания Дальнему Востоку.

В „Рус. М.“ чрезвычайно живо написанный очерк Корсакова „По берегам Кореи“. Замечательна непредвзятость наших коммерсантов и предпринимателей, привыкших дома к безброжному обиранию потребителя и к казенным субсидиям: на Дальнем Востоке они решительно пасуют пред иностранцами. „Русские в Китай остаются инертными“, тогда как иностранцы вносят в Китай (Ганьцзинь, Пекин, Шанхай) и свои капиталы и свою личную энергию и предприимчивость и знания и влияние своей народности. В Пекинѣ есть жалкая мелочная торговля—русская лавочка, решительно не могущая конкурировать с иностранными магазинами. Был

среди русских коммерсантов, один предпримчивый человек—Старцев, но он умер и превника ему нет.

Неизвестные представители российской промышленности и торговли, которым чужда инициатива, захватили огромные участки в Тяньцзинь и в Таку, но они не построили ни торговых складов, ни магазинов: они на своих участках, под чужими именами, построили всяких увеселительных заведений. Они просто поворот русское яна на Восток, —говорит Корсаков.

„Политика“ Южакова в „Р. В.“ всецело посвящена войне, дѣлам Дальнего Востока. В интересном очерк „Из Англия“ („Р. В.“) г. Дюно знакомит русскую читающую публику с несколькими авторами, выпустившими книги о Дальнем Востоке. Книги Нормана Стюда, Гамилтона, членов из Англия с захватывающими интересом. Особенно интересуются книгой: „Что такое Россия?“ и „Корей“ Гамилтона. Корейские порядки, действительно, способны удивлять англичан. Наполеон дѣлится в Корей на крестьян-землепашцев и горожан. „Всѣ горожане и что не дѣлают и живут в а счет труд-любивого, темного, забитого крестьянина“. Правительство Кореи сэр Гамилтон называет „посторонний паростом на организуемый корейцев“. Министры ставят цѣлю своей жизни выжамать денег из населения, которому они взамен не дают ничего: ни суда, ни просвѣщенія, ни путей сообщения, ни медицинской помощи. Корейский император—мрушка в руках министров и жен. Главное занятие министров—это выпуск фальшивой никелированной монеты и размык государственных преступлений, а государственными преступниками считаются все критикующие действия правительства. Государственными преступлениями пароятся смерть: виновному отрубать голову, его родоначальников отравлять, а мать, жену и дочерей продать в рабство. Иногда богатым людям казнят только потому, что желают отнять их имущество.

Сэр Гамилтон думает, что Корея—из-

бывшая отъ своего «ядовитого изроста» могла бы возродиться: страна богата, деревенские жители трудолюбивы, особенно женщины, которые «дома выполняют всю мужскую работу, а в поле — замещают выжтое животное». По мнению Гамильтона, и вся городская жизнь из Кореи сводится к деятельности женщин. Много и еще всяких курьезов в Кореи: у ней нет, напр., настоящей, вооруженной и дисциплинированной армии, но есть генеральный штаб, много генералов и даже — генералиссимус. «При первом столкновении с неприятелем, вкратце, весь генералитет убивают: военные лагерь генералиссимуса заслужил не на поле битвы, а при сожжении деревень вставших крестьян и при порке непокорных».

В «Вести. Евр.» две статьи посвящены Дальнему Востоку: это, во-первых, записки или, вкратце, — переписка г-жа У, жившей с мужиком — фермером из южной Миньчжурии. «Из жизни на Дальнем Востоке» охватывают период от 1900 до 1903 года. «Все сообщаемое в письмах — безусловная правда», оговаривается г-жа У и кроме того, — письма живая и безискусственная с первых же строк увлекают читателя. Письма сначала не предназначались для печати и только позднейшие события и события друзей-корреспондентов заставили автора подумать об опубликовании переписки.

Много любопытного сообщает г-жа У и становится, между прочим, ясно и неясно китайцев к представителям белой расы. «Истребляются китайцы с союзниками, на почтительном расстоянии пострелять, затем засечь, да так основательно, точно какой-нибудь проваливаются. А мирные жители пригнаны в лесок. Но так как это война, надо же кого-нибудь убивать, то за неимением настоящего неприятеля, союзники убивают мирных жителей до грудных младенцев включительно... В этом спорте соревнуют союзники без исключения. По дороге то и дело называют убитые китайцы: это посылки. Оказывается — союзники не истребляют и несут там же заставили пернать

попавшего китайца: посылки убивали за то, что они, будто бы, лгали и рабуют».

В «В. Евр.» появляется и «Желтая опасность» Слонимского. «Опасность, которую представляет покойный Вл. Соловьев, становится все более близкою и грозною: желтая раса нашла своих организаторов и руководителей и «пангомолизм», начиная переходить из области мечтаний на почву практической политики», — так «пугает» читателей г. Слонимский. Но в общем статья его очень содержательна, особенно интересны ссылки на книгу Максимова — о взаимной политике Японии и России. Конечно, рано биться наместия желтой расы на Европу, но в мировом соперничестве придется считаться с Японией, о которой автор говорит так: «сравнительная быстрота, с какою Япония усвоила все технические и культурные приобретения новейшей цивилизации, показывает необыкновенную умственную подвижность и восприимчивость японской народности, а также ее ценные нравственные качества — упорное трудолюбие, выдержку характера, настойчивость в преследовании намеченной цели».

Заслуживают внимания читатели: очерк Вл. Красавина «М. В. Салтыков» (опыт литературной характеристики «М. В.»), «Воспоминание о Михайловском» — Елизаровского («Р. В.»), «Ник. К. Михайловский» — опыт психологической характеристики — Наволинского («М. В.»), а также «Наши педагоги в изображении Чехова» Ашевского («Обр.»).

«Русские женщины в новом освещении» А. Горюхиной («Р. В.») раскрывают любопытную страничку литературных нравов. Статьи Горюхиной написаны по повелу появления в печати записок княгини Волконской. Эта записка долго хранилась в семейном архиве Волконских. Смысл автора предать гласности эти интересные воспоминания, «имеющие особенный интерес для историка русской литературы, для критики Некрасова».

«Продь нами те самые между, которые в поэтическом воспроизведении знакомы всем нам с детства по «Русским женщинам».

В свое время много было нападок на по-

ему на Некрасова; обвиняли Некрасова, что он сочинил княгиню Волконскую. В действительности оказалось, что сочиненности нет и следа: в свое время записки княгини были прочтены Некрасову сыном княгини. Чтение записок произвело потрясающее впечатление на поэта: он, слушая, возмущался и плакал. И об этой истории критик Андрей сказал, что именно «в «Русских женщинах» видна вся Некрасова с своей закулисной искусственной работой и слабым художественным чутьем». Некрасов не мог защищаться, ссылаясь на читателя ему «Воспоминания»: он был обязан молчать и критики безнаказанно могли толковать и перья и вкось поэму и разносить поэтическое дарование Некрасова.

В заключение нашего обзора упомянем об интересном научном фельетоне Агафонов («М. В.»): «О туберкулезе». Д'Еспини и Беринг опытами доказали, что туберкулез коров передается детям через молоко. Беринг же стал давать предохранительные противотуберкулезные прививки молодому рогатому скоту: для этого он пользовался туберкулезными бактериями человека, которые он в течение 8 лет выдерживал в своей лаборатории на искусственных средах, не пропуская ни разу через животный организм. Благодаря этому способу, ядовитость бактерий сильно ослабилась. В настоящее время Беринг занял изучением возможности применять предохранительные прививки к человеку. Опасность заражения через молоко коров чрезвычайно велика. И опыты Беринга имеют огромное значение для миллионов людей; чашотка — страшный бич человечества: в России ежегодно умирают от чашотки 500 тысяч, во Франции — 150 тыс., в Германии — 130 тыс. Даже холера менее страшна: в эпидемию 1892 года от холеры в России умерло только 300 тысяч. Алкоголизм, дурное питание, дурные санитарные условия делают распространение туберкулеза еще более легким.

Л. С.